

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМНАЯ БАШНЯ

<i>Предисловие Уолтера Хупера</i>	5
<i>Темная башня. Перевод С. Лихачевой</i>	17
<i>Примечания к «Темной башне» Уолтера Хупера</i>	132

РАССКАЗЫ

<i>Слепорожденный. Перевод С. Лихачевой</i>	145
<i>Поддельные земли. Перевод Н. Трауберг</i>	152
<i>Ангелы-служители. Перевод С. Лихачевой</i>	159
<i>Вещей незримых очертанья. Перевод Н. Трауберг</i> . . .	178
<i>Десять лет спустя. Перевод С. Лихачевой</i>	186
<i>Примечания к «Десять лет спустя»</i> <i>Аластера Фаулера</i>	216

ТЕМНАЯ БАШНЯ

ТЕМНАЯ БАШНЯ*

1

— Разумеется, путешествовать во времени, как в книгах — то есть переноситься физически, — абсолютно невозможно, — заявил Орфью.

В кабинете Орфью нас собралось четверо, не считая самого хозяина. Скудамур, младший из присутствующих, был его ассистентом. Макфи пригласили из Манчестера, поскольку все мы его знали как закоренелого скептика; Орфью решил, что уж если удастся убедить Макфи, то ученому сообществу в целом придется волей-неволей отбросить недоверие. Рэнсом, бледный, с печальными зеленовато-серыми глазами, находился здесь по прямо противоположной причине — потому что он стал героем, или жертвой, одного из самых странных приключений, когда-либо выпадавших на долю смертного. Я тоже оказался замешан в тогдашних событиях — о них рассказывается в другой книге; и теперь попал в число гостей Орфью благодаря

* © Перевод. С. Лихачева, 2021.

Рэнсому. Нас всех, за исключением Макфи, можно было бы назвать тайным обществом: таким, которое не нуждается в паролях, клятвах и скрытности, поскольку его секреты хранят себя сами. Стена непонимания и неверия защищает их от широкой публики или, если угодно, публику от них. Такого в мире куда больше, чем принято думать, и самые важные события каждой эпохи не попадают в учебники истории. Мы все трое знали, а Рэнсом так и на себе испытал, насколько тонка оболочка, ограждающая «реальную жизнь» от фантастики.

— Абсолютно невозможно? — переспросил Рэнсом. — Почему же?

— Вам-то, полагаю, все ясно, — отозвался Орфью, оглянувшись на Макфи.

— Продолжайте, продолжайте, — обронил шотландец со снисходительностью взрослого, не желающего мешать детской игре.

Мы дружно закивали.

— Так вот, — продолжил Орфью, — путешествие во времени, очевидно, означает перемещение в будущее — либо в прошлое. Но где частицы, составляющие ваше тело, окажутся через пятьсот лет? Да повсюду вокруг — одни в земле, другие в растениях и животных, третьи в телах ваших потомков, если вы ими обзаведетесь. Таким образом, отправиться в трехтысячный год означает переместиться во время, в котором вашего тела не существует; а это значит, согласно одной из гипотез, обратиться в ничто и, согласно другой гипотезе, «стать бестелесным духом».

— Секундочку, — сдуру ляпнул я, — но вам вовсе не нужно, чтобы в трехтысячном году вас ждало какое-то тело. Вы же возьмете с собой свое нынешнее.

— Разве вы не понимаете, что именно это и невозможно? — сказал Орфью. — Вся та материя, из которой состоит ваше тело сейчас, в трехтысячном году будет использована иначе.

Я по-прежнему недоуменно хлопал глазами.

— Давайте так, — объяснил Орфью. — Один и тот же фрагмент материи не может находиться в разных местах одновременно — вы согласны? Хорошо. Теперь предположим, что частицы, которые в настоящий момент составляют кончик вашего носа, к трехтысячному году станут частью кресла. Если вы перенесетесь в трехтысячный год и, как и предполагаете, возьмете с собой ваше нынешнее тело, значит, в какой-то момент в трехтысячном году одни и те же частицы должны будут оказаться в составе и вашего носа, и кресла — а это абсурд.

— Но ведь частицы моего носа все равно постоянно изменяются! — возразил я.

— Верно, верно, — отозвался Орфью, — только это не довод. Если вы рассчитываете иметь тело в трехтысячном году, вам нужны частицы для носа. Но к трехтысячному году все частицы во Вселенной уже будут задействованы как-то иначе — каждая на своем месте.

— Иными словами, сэр, — обернулся ко мне Скудамур, — в любой конкретный момент запасных частиц во Вселенной взять неоткуда. Это все

равно что попытаться вернуться в колледж после выпуска: все комнаты заняты, как в ваше время, но совсем другими людьми.

— То есть мы предполагаем, что общее количество материи во Вселенной не увеличивается, — добавил Макфи.

— Нет, — возразил Орфью, — мы всего-навсего предполагаем, что на нашей планете не прибавляется заметного количества новой материи — тем чрезвычайно сложным и стремительным образом, какого требует гипотеза Льюиса. Полагаю, вы со мной согласны?

— О, прразумеется, разумеется, — протянул Макфи, растягивая шотландское раскатистое «р». — Я никогда и не думал, что путешествия во времени возможны — помимо того, какое мы совершаем в настоящий момент — я имею в виду, что все мы путешествуем в будущее со скоростью шестьдесят минут в час, хотим мы того или нет. Меня бы заинтересовало куда больше, если бы вы смогли изыскать способ *остановиться*.

— Или вернуться, — вздохнул Рэнсом.

— Возвращение в прошлое упирается в ту же проблему, что и перемещение в будущее, сэр, — напомнил Скудамур. — Облечься в плоть в тысяча пятисотом году так же невозможно, как в трехтысячном.

Секунду-другую все молчали. Затем Макфи медленно улыбнулся.

— Что ж, доктор Орфью, — промолвил он. — Завтра я вернусь в Манчестер и сообщу, что в Кем-

бриджском университете сделано потрясающее открытие: а именно, что невозможно попасть из тысяча девятьсот тридцать восьмого года в тысяча девятьсот тридцать девятый быстрее, чем за год, а также что покойники утрачивают нос. И добавлю, что ваши аргументы меня полностью убедили.

Эта шпилька напомнила Орфью, зачем мы здесь, собственно, собрались, и после того, как двое философов минуту-другую поддразнивали друг друга, тонко, но довольно-таки беззлобно, мы снова приготовились слушать.

— Так вот, — продолжал Орфью, — наш недавний спор убедил меня, что «машина времени» как таковая — чтобы физически переносила вас в другое время — невозможна в принципе. Если мы хотим познакомиться с временами до нашего рождения и после нашей смерти, требуется совершенно иной подход. Если такое вообще возможно, то вот как: мы заглянем в иные времена, сами оставаясь здесь, — как смотрим на звезды в телескоп с Земли. На самом деле нам нужна не летательная машина времени, а прибор, который делает со временем то же, что телескоп — с пространством.

— То есть *хроноскоп*, — предложил Рэнсом.

— Именно — спасибо за термин: хроноскоп. Но не он первым пришел мне в голову. Первое, о чем я подумал, когда отказался от ложной идеи с машиной времени, — это возможности мистического опыта. Нечего тут ухмыляться, Макфи; приучайтесь мыслить шире, без предвзятости! Как бы то ни

было, я-то мыслил достаточно широко. Я обнаружил, что в сочинениях мистиков содержится множество свидетельств, дошедших из самых разных эпох и мест — и зачастую совершенно независимо друг от друга подтверждающих: человеческий разум способен при определенных условиях выйти за пределы обычной временной последовательности. Однако и это оказалось ложной идеей. Я не только о том, что предваряющие упражнения чрезвычайно трудны, более того, подразумевают полный отказ от нормальной жизни. Я хочу сказать, чем глубже я вникал, тем яснее понимал, что мистический опыт вообще выводит вас из времени — во вневременье, а не в иные времена, чего мне, собственно, хотелось... что вас так насмешило, а, Рэнсом?

— Простите, — промолвил Рэнсом. — Но, видите ли, это и впрямь забавно. Вы только представьте себе — человек думает, что можно стать святым в качестве мелкого плюса к занятию науками! Все равно что вообразить, будто по небесной лестнице можно срезать путь к ближайшему табачному киоску. Задолго до того, как вы достигли бы уровня вневременного опыта, вам пришлось бы настолько заинтересоваться кое-чем другим — или, положив руку на сердце, Кое-Кем Другим, что путешествия во времени вас бы уже не занимали — разве это не очевидно?

— Хм... возможно, — нехотя признал Орфью. — В таком ключе я не думал. Ну, как бы то ни было, в силу только что названных причин мистицизм для

моих целей не подошел. Только тогда меня осенило, что за настоящей тайной далеко ходить не надо. Вы же знаете, как невообразимо трудно объяснить память с позиций физиологии? И вы, возможно, слышали, что на метафизическом уровне довольно убедительно выглядит теория, согласно которой память — это непосредственное восприятие прошлого. Я пришел к выводу, что эта теория верна — когда мы вспоминаем, мы не просто получаем результат чего-то происходящего в нашей голове. Мы напрямую переживаем прошлое.

— В таком случае, — заявил Макфи, — удивительно, что мы помним только те его фрагменты, которые укладываются в период нашей собственной жизни и затрагивают наш собственный физический организм. (Он произнес «аррганизм».)

— Это было бы весьма примечательно, будь оно правдой, — ответил Орфью. — Но это не правда. Если бы вы прочли историю о двух английских дамах в Трианоне* непредвзято, Макфи, вы бы согласились, что зафиксирован по крайней мере один бесспорный случай, когда люди наблюдали целую сцену из эпохи задолго до своего рождения. А если бы вы, воспользовавшись этой подсказкой, пошли дальше, вы сумели бы объяснить все так на-

* Имеется в виду нашумевшая история о встрече двух английских дам с привидениями времен королевы Марии-Антуанетты в саду поблизости от Малого Трианона (Версаль) 10 августа 1901 года. Подробнее см. примечание У. Хупера на стр. 133—134.

зываемые истории о привидениях, которые в глазах людей вашего склада всенепременно нуждаются в объяснении. К тому времени вы, быть может, осознали бы, что в ваших мысленных портретах, допустим, Наполеона или Перикла, есть много такого, что вы не читали в книгах, но что престранным образом согласуется с домыслами других людей. Продолжать я не буду. Можете после ужина сами пролистать мои записи. Я, во всяком случае, вполне убежден, что наше восприятие прошлого — то, что вы называете «памятью», — не ограничивается нашей собственной жизнью.

— По крайней мере, признайте, — вмешался я, — что мы вспоминаем нашу собственную жизнь куда чаще, чем что бы то ни было еще.

— Нет, я не признаю даже этого. Нам так просто кажется, и я могу объяснить почему.

— Почему же? — спросил Рэнсом.

— Потому что из всех фрагментов прошлого мы узнаём лишь фрагменты собственной жизни. Когда у вас в голове возникает образ мальчика по имени Рэнсом в английской частной школе, вы сразу же называете это «памятью», потому что знаете, что вы — Рэнсом и учились в английской школе. Когда у вас в голове рождается образ чего-то такого, что случилось за много веков до вашего рождения, вы зовете это «фантазией»; и на самом деле у большинства из нас нет способа отличать настоящие фрагменты прошлого от порождений своего разума. Трианоновским дамам невероятно повезло, что они

смогли отыскать убедительные критерии, подтвердившие: увиденное ими и впрямь часть реального прошлого. Возможно, происходят сотни похожих случаев, которые невозможно проверить (а так оно и есть), и люди просто считают, что им приснилось либо померещилось. И, естественно, держат язык за зубами.

— А будущее? — спросил Макфи. — Или вы скажете, что его мы тоже «помним»?

— «Помнить» — не совсем то слово, — возразил Орфью, — ведь память — это восприятие прошлого. Но будущее мы видим — тут сомнений нет. В книге Данна* доказано, что...

Макфи взревел, точно от боли.

— Полно вам, Макфи, — продолжал Орфью, — вы насмехаетесь над Данном только потому, что отказались провести предложенные им опыты. А вот если бы провели, то получили бы те же результаты, что он, и я, и все, кто взял на себя труд попробовать. Говорите что хотите, но эта гипотеза доказана. Она так же верна, как любая научная истина.

— Но послушайте, Орфью, — вмешался я, — в некотором смысле мы будущего все-таки *не* ви-

* Джон Уильям Данн (1875—1949) — ирландский авиационный инженер, философ, автор исследований в области парапсихологии. Книга Данна «Эксперимент со временем» посвящена прекогниции и человеческому восприятию времени. Подробнее см. примечание У. Хупера на стр. 134.

дим, разве нет? Ну то есть... а, была не была, кто в этом году выиграет Лодочную гонку?*

— Кембридж, — заверил Орфью. (Я был среди собравшихся единственным оксфордцем.) — Но если серьезно, я не утверждаю, что можно видеть все будущее или выбирать его кусочки по своей воле. Этого и с настоящим-то не получится — вы не знаете, сколько у меня сейчас в кармане денег, или как выглядит ваше собственное лицо, или даже, по всей видимости, куда задевались ваши спички. — И он протянул мне свой коробок. — Я всего лишь хочу сказать, что из всех бесчисленных мыслей, проносящихся в вашей голове в каждый миг, часть — просто фантазии, часть — реальное восприятие прошлого, а часть — реальное восприятие будущего. Фрагменты прошлого вы по большей части не узнаете и, конечно же, не узнаете *ни одного* фрагмента будущего.

— Но ведь мы бы тогда узнали эти фрагменты будущего, когда оно наступит; то есть когда станет настоящим, — проговорил Макфи.

— Что вы имеете в виду? — уточнил Рэнсом.

— Ну, — сказал Макфи, — если бы на прошлой неделе у меня возник мысленный образ этой комнаты и всех вас, сидящих тут, *тогда* я бы не признал в нем картину будущего, соглашусь. Но сейчас-то,

* Ежегодная лодочная регата на реке Темзе, в которой соревнуются команды Оксфордского и Кембриджского университетов.